

Светлана
АЛЕШИНА

Чертова дюжина грехов

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

TV журналистка

Светлана Алешина

Чертова дюжина грехов

«Научная книга»

2004

Алешина С.

Чертова дюжина грехов / С. Алешина — «Научная книга»,
2004 — (TV журналистка)

Ирину Лебедеву, ведущую телепередачи «Женское счастье», с самого начала одолевали сомнения по поводу выбора героини очередной передачи. Имя ее землячки, а ныне иностранки и одной из богатейших женщин мира Марианны Масри, овеяно слухами и сплетнями. То и дело в мировой печати поднималась шумиха вокруг тайны древней золотой пластины, которая находилась в ее коллекции. Владелец этой пластины, по слухам, либо обретает мировое господство, либо его настигает возмездие Жреца Смерти. И в тот день, когда Ирина все же решает взять у Марианны интервью, таинственное возмездие настигает миллионершу – и теперь не жизнь, а смерть Марианны должна стать темой телепередачи. Только прежде Ирине нужно выяснить, что же действительно случилось с этой загадочной женщиной?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Светлана Алешина

Чертова дюжина грехов

Пролог

Большие настенные часы показывали полдень без пяти минут. Она посмотрела на стрелки, на сидящего напротив мужчину, на небольшую дверь и кивком головы дала знать, что пора. Оба они прошли через небольшую дверцу, расположенную слева, и оказались в пустой маленькой комнатке. В ней, кроме стоящего у большого окна высокого одноногого столика, покрытого черным бархатом, ничего не было.

Мужчина, подойдя к окну, распахнул его, а женщина приблизилась к стене справа от окна и нажала расположенную на ней кнопку. Тут же бесшумно открылась дверца, обнаружив замаскированный сейф. Мужчина и женщина очень осторожно, едва касаясь пальцами, извлекли из него два металлических листа, по сантиметров двадцать каждый, которые очень походили на золотые. Причем на золото старинное, по виду весьма высокой пробы.

Оба листа толщиной по сантиметру-полтора они аккуратно разложили на столике, плотно прижав друг к другу. Перед ними лежал один сплошной золотой лист, в этом теперь не было никаких сомнений – так ослепительно сиял он в лучах солнечного света. А поверхность его была испещрена какими-то символами, рисунками или иероглифами.

Женщина в задумчивости провела пальцем по одной из колонок искусной чеканки.

– Знаешь, – сказала она, – я так долго гонялась за ней, столько лет жизни потратила на то, чтобы найти ее... А теперь... – она снова коснулась сверкающего металла и, не закончив мысль, пожала плечами.

Мужчина стоял за ее спиной и тоже смотрел на пластину. Она обернулась и заглянула ему в глаза.

– Неужели так всегда?... Когда наконец получаешь что-то, чего так хотел долгие годы...

Она не договорила, часы в соседней комнате начали отбивать двенадцать. Женщина вздрогнула, мужчина тихо сказал:

– Пора...

В это время, закрыв на мгновение свет солнца, за окном мелькнула какая-то тень, словно от большой доисторической птицы на перепончатых крыльях.

Глава 1

На календаре был последний и самый непредсказуемый месяц зимы – февраль. На улице – сыкотно и очень влажно, но порой налетал резкий, порывистый ветер, и становилось холоднее, чем при двадцатиградусном морозе, хотя столбик термометра не падал ниже пяти-шести.

Настроение было под стать погоде, казалось, ничего не клеится, что ничего не получается, все ходили унылые, с посеревшими лицами, так недавно выпавший снег в феврале за пару дней превращается в серо-грязную кашу.

Наша передача «Женское счастье» хоть и удерживала по-прежнему высокий рейтинг, но, признаться, чего-то уже в ней не хватало. То ли мы утомились, то ли зима оказывала на нас такое пагубное влияние, то ли героини как-то измельчали, но вся творческая группа отчего-то вдруг потухла.

Мы ходили хмурые, пытались найти что-то новое, свежее, но, увы... Как отыскать интересную героиню, если у всех наших женщин, как ни крути, стандартные требования, обычные интересы, все они говорят либо о том, что принесли в жертву семье свою карьеру, либо что принесли в жертву карьере свою семью. Согласитесь, после пятой такой героини у тебя начинается от скуки сводить челюсти.

Словом, мы все и всем были недовольны, казалось, ничто не сможет изменить привычного течения нашей жизни, и теперь мы всю оставшуюся жизнь (пока нас не закроют, естественно, а это, вероятнее всего, случится довольно скоро) будем снимать сестер-близняшек.

По правде говоря, все, наверное, было не так или не совсем так. Однако я, ведущая передачи «Женское счастье», выходящей на тарасовском телевидении раз в неделю в прямом эфире, примерно таким образом рассуждала сама с собой практически каждое утро по дороге в редакцию в течение последних двух недель. Должно быть, у меня просто авитаминоз. И пора заняться своим здоровьем.

Конечно, в действительности все было не так плохо, а это просто очередной приступ сезонной хандры, но все равно каждое утро мне казалось, что передачи у нас нудные, героини – все похожи и неинтересны до оскомины. Словом, я занималась самоедством и втайне мечтала, что наш начальник – Кошелев – посмотрит пару последних записей и скажет: «Ирина Анатольевна (это я, извините, забыла представиться), а не хотите ли вы заняться другой передачей, более динамичной, непредсказуемой, словом, не хотите ли вы сделать что-то похожее на «Независимое расследование»? Кажется, эра передач типа «Женского счастья» уже отошла...» – ну и т. д., и т. п.

А я скажу, так скромненько потупив глазки: «Евгений Иванович, но вы ведь сами говорили мне всегда, что...»

«Да, да, да, Ирочка, – всплеснет он пухленькими ручками, – да когда же это было?! А вы разве против? Ну, не упрямитесь!...»

И я, немного пококетничав, соглашусь: «Хорошо, Евгений Иванович, если вы настаиваете...»

Словом, закроют «Женское счастье», а вместо него я стану самостоятельно проводить расследования, и передача у меня будет куда лучше, чем репортажи Валерки Гурьева, нашего журналиста-криминалиста. Впрочем, я размечталась. Пора выходить – моя остановка.

Я вышла из троллейбуса и направилась к телестудии. Да, все это только мечты, начальство у меня по-прежнему уверено, что «Женское счастье» это круче, чем «Независимое расследование», что потенциальному зрителю, подавляющее большинство которого составляют женщины, гораздо интереснее знать, как какая-нибудь Марфа Иванова выбилась из доярок в бизнес-леди и получила международное признание, а также первое место на конкурсе «Бренд года». Я фыркнула.

Нет, не подумайте, я не женоненавистница, и вообще я к своим героиням привыкла относиться априори хорошо, но даже самые интересные из них постепенно как бы обесцвечиваются. Вы понимаете, о чем я?

В этот момент я дошла до угла и обратила внимание на аптеку. «Надо зайти», – решила я, чтобы купить витаминов. Хорошо еще, что я всегда выхожу из дома с запасом времени, потому что в аптеке, несмотря на ранний час, была очередь, небольшая, но я все равно могла бы опоздать, не будь у меня лишних пятнадцати минут. Самое забавное, что все люди передо мной покупали витамины и витаминные сборы, похоже, предвесенняя депрессука не только у меня. Я купила поливитаминный комплекс и вышла из стеклянного помещения аптеки.

Так, теперь есть надежда, что мне резко полегчает.

* * *

Я пришла на работу первой и, раздевшись, сразу же проглотила витаминку. Нет, конечно, я не рассчитывала на мгновенный эффект, поэтому равнодушно посмотрела за окно, отвернулась, испытыв острый приступ тоски, и села за свой стол. А дальше...

А дальше появились в редакции мои коллеги – Галина Сергеевна Моршакова, режиссер нашей передачи, и Валерия Казаринова, ее помощник. Хотя, конечно, сначала появилась Лера. Галина Сергеевна имеет дурную привычку опаздывать, но за время продолжительного сотрудничества мы к этому уже привыкли.

Так вот, Лера сегодня тоже была не в ударе. Она вошла в редакцию, поздоровалась и, скинув дубленку, села за свой столик с таким же, как и я, равнодушным видом. Странно для полной энергии двадцатилетней девушки, каковой и являлась Лера. Она могла делать несколько дел сразу и не раз выручала нас, если нужно что-то достать, с кем-то договориться, чего-то разузнать. А сейчас вот сидит с потухшими глазами, бледная, какая-то измученная.

– Лера, – спросила я, – у тебя что-нибудь случилось? Ты как-то выглядишь... – я сделала неопределенный жест.

– Да нет, Ирина Анатольевна, – со вздохом ответила Лера. – Просто настроение какое-то паршивое. Как посмотрю за окно, так прямо выть хочется...

– Ох, и у меня то же самое, – произнесла я, и мы обе, не сговариваясь, глянули за окно. Там по-прежнему была серая слякоть на земле и серое небо над ней. – Витамины пить не пробовала?

– Уже, – Лера достала из сумочки поливитаминный комплекс, но не такой, как я только что купила в аптеке.

– И я, – я показала свой. – Помогает?

– Пока не очень, – Лера вздохнула.

Мы помолчали, погружившись в серое уныние. И почему только такое случается? Может, кризис среднего возраста? Ладно у меня, но вот у Леры? Что, кризис переходного возраста, что ли? Или, как говорит моя приятельница всякий раз, как увидит кого-то в дурном настроении, цитируя рекламу: «Жениться вам, барин, пора». Я глянула на Леру и хотела было ляпнуть ей эту фразу, но она меня опередила.

– Знаете, Ирина Анатольевна, – доверительно проговорила Лера, – у меня такое ощущение, будто все, что мы делаем в последнее время, не имеет никакого смысла... Словно мы топчемся на одном месте и никому это не интересно, даже нам самим. У вас нет такого ощущения?

– Есть, – честно призналась я, сразу же позабыв обо всех рекламных слоганах, вместе взятых, и поведала Лере о своих невеселых мыслях: – Мне даже героини кажутся плоскими и тусклыми, я все думаю – ну и кому это интересно?

– Вот и мне... – Лера помолчала. – Знаете, я, кажется, нашла выход... Нам нужна такая героиня, которая бы не походила на тех, о ком мы делали передачи последнее время.

– И чем же она должна отличаться? – без особого энтузиазма спросила я.

– Не знаю, этого я еще не придумала. Но она должна быть такая... – Лера подняла свои выразительные серые глаза к потолку. – Она должна как бы встряхнуть нас всех, что ли...

– Да, как, например... – но договорить мне не дали, потому что в дверях появилась Галина Сергеевна собственной персоной, опоздав сегодня на пятнадцать минут.

– Здравствуйте, девочки, – сказала она и, сняв шубу, поправила новую короткую стрижку перед зеркалом.

– Здравствуйте, Галина Сергеевна, – сказала Лера, – а вы подстриглись. Вам очень идет.

– Спасибо, – улыбнулась Моршакова. – Что-то вот почувствовала себя вчера не в настроении, так решила в парикмахерскую заглянуть, мне это всегда помогало, – и она достала из сумочки витамины. – Думала, поможет и на этот раз, но что-то как-то не очень. Авитаминоз, наверное, пришлось зайти в аптеку.

Мы с Лерой многозначительно переглянулись.

– А что такое? – встрепелась Моршакова, перехватив наши взгляды. – Вы что так смотрите? У меня, что, платье шиворот-навыворот надето?

– Нет-нет, – сказала я, – просто мы тоже с Лерой витамины купили.

И мы показали свои пузыречки с чудо-таблетками.

– Значит, это не только у меня, – отозвалась Моршакова и села за свой стол. – Ну, что будем делать? Надо бы разработкой передачи заняться, но как же неохота!

– Да, вы правы, – поддакнула Лера. – Я вот тут как раз говорю, что нам необходима встряска. Надо отыскать какую-нибудь оригинальную героиню.

– Надо-то надо, – отозвалась Моршакова, – да где ж ее возьмешь?

– Ну, я могу поискать, – заявила Лера.

– И где? – спросила Галина Сергеевна.

– Ну, я что-нибудь придумаю...

Я сидела и без интереса слушала вялый разговор своих коллег. Ох, скорее бы весна, что ли. Хоть бы солнышко выглянуло, может, полегчало бы... Я тяжело вздохнула.

– Ира, а ты что молчишь? – спросила Моршакова.

– А что я могу сказать? – удивилась, но только для видимости, я. На самом деле мне было совершенно все равно, кого снимать и на этот раз, и на следующей неделе, и еще на следующей неделе...

– Ну, скажи хоть что-нибудь!

– Что-нибудь, – отозвалась я. – Давайте займемся разработкой, а то вообще тоска загрызет.

Мои дамы переглянулись и, вздохнув, согласились. Мы уткнулись в наши записи. До обеда мы просидели над планом будущей передачи, потом отправили Леру за сосисками.

А дальше началась история, которую я вам и хотела рассказать. Началась она, как обычно начинались многие другие, – с Лериного победного возгласа в нашей небольшой, не сказать что особо уютной, но уже такой родной редакции.

Торжествующий Лерин возглас сообщал нам, сидящим за послеобеденным чаем, что найдена новая героиня для нашей телепередачи «Женское счастье».

– Нашла! – вот было первое восклицание Леры, заметно похорошевшей, раздурманенной, когда она влетела в редакцию с горящими глазами, держа в руках два пакета с хот-догами и пончиками и толстенную газету из разряда «желтоперых», пестрящую красочными фотографиями.

– Лерочка, детка, – обратилась к ней Галина Сергеевна, чуть снисходительно и в то же время покровительственно, ни дать ни взять королева-мать на малом приеме – успокойся, раздешься, присядь, выпей чаю и расскажи, что ты там нашла.

А я подумала, что стоит только Лере бросить глаз на что-либо не совсем обычное, как у нее тут же подскакивает тонус. Вот бы мне так! Но, увы, я последнее время чувствую себя какой-то перезрелой, одряхлевшей и чуждой всяким порывам.

– Да не что, Галина Сергеевна, – не без укора ответила ей Лера, все же послушно выполняющая указания начальницы, кладя пакеты на стол и снимая дубленку, – а кого... Ирина Анатольевна, – обратилась она ко мне, все еще сияя глазами, – я нашла просто потрясающую особу для нашей передачи.

– Но ведь у нас уже, кажется, есть... – попыталась напомнить я. – Мы ведь вместе просидели за...

– Да-да, – отмахнулась Лера, – конечно, эта библиофилка... Но это... – Лера так и светилась от предвкушения, и куда только подевалась ее утренняя апатия? – Это же настоящий эксклюзив! – Мы с Галиной Сергеевной переглянулись. Лера, наконец, не выдержала и положила газету перед нами на стол, открыв ее на нужной странице. – Вот! – торжествующе произнесла она, ткнув наманикюренным пальчиком в название статьи.

Статья называлась не слишком оригинально: «Легко ли быть богатой». Я пожала плечами, разглядывая несколько цветных фотографий какой-то женщины, лицо которой мне показалось очень знакомым, но, хоть убей, я не могла вспомнить, кто она такая.

– Ну и что? – спросила я Леру. – Название статейки мне мало о чем говорит.

– Ирина Анатольевна, – простонала Лера, – ну вы хоть бы почитали!..

Я принялась послушно читать, не желая больше расстраивать девочку. Если тебе самой паршиво, это вовсе не означает, что надо портить настроение другим. И вот что было там написано:

«Легко ли быть богатой? Уверена, так или иначе, но этим вопросом задавался практически каждый из нас. Каково это – быть богатым? А каково, например, быть очень богатым? Что ощущает человек, который входит в тысячу самых богатых людей мира? Увы, ответ на этот вопрос, каким бы он ни был, редко кого удовлетворяет, независимо от того, кто бы на него ни отвечал. Так и кажется, что респондент что-то скрывает, чего-то недоговаривает, о чем-то намеренно умалчивает...

Однако постараемся быть беспристрастными, очень богатые люди, несмотря на кривые ухмылки скептиков и косые взгляды завистников, все-таки тоже люди, и они, поверьте, иногда искренне плачут, хотя сейчас и не об этом разговор. А речь идет об одной из женщин, чье имя значится в списке тысячи самых богатых людей мира, и мы, как мне кажется, все же можем гордиться тем, что эта женщина – наша землячка. Речь пойдет о Марине Хмуровой, или, как ее чаще называют, Марианне Масри.

Жизнь этой необыкновенной женщины, поверьте, заслуживает того, чтобы рассказать о ней. Марина Хмурова родилась в нашем городе, тут же закончила школу, а затем поступила в университет, на историческое отделение. Здесь, будучи студенткой четвертого курса, Марина познакомилась со своим будущим мужем – Хасаном Масри, тридцатым сыном арабского шейха, изучавшим в нашем университете экономику. Молодые люди поженились, а затем, окончив учебу, уехали на родину супруга. Это было двадцать лет назад. Как жилось там Марине, одной, без родственников, без родных лиц, без поддержки? Об этом мы не станем сейчас распространяться, потому что это – отдельная тема. Мы же сейчас лишь кратко рассказываем биографию нашей героини.

Марина прожила на родине мужа, в Сирии, пять лет, а затем ее постигло горе, которого никто не пожелает замужней женщине, – она потеряла горячо любимого супруга, ради которого отказалась от родины, от дома, от всего, что было ей близко, от всего, что... Впрочем, не будем домысливать. Горе Марины, как она сама говорила, было безмерным. Пытаясь как-то приглушить его, Марина отправилась путешествовать, чтобы забыться, изменить обстановку. Может быть, кто-то и не сдержит кривую ухмылку, мол, чего же не покататься по шарикам с

такими деньжищами-то. Да, в этом есть резон. Хасан, хоть и был тридцатым сыном своего отца, отнюдь не был беден, и Марина действительно стала единственной его наследницей, но разве дело в этом? Разве кто-нибудь скажет, что она чувствовала, когда врачи вынесли смертельный приговор ее мужу? Рак. Хасан прожил после этого всего три месяца, и естественно, что молодая вдова пыталась найти новый смысл своего существования, полностью отдавшись магии дорог. И, представьте себе, она его нашла, смысл жизни.

Она вернулась через три года, но это была уже другая женщина, та, которую мы теперь знаем. Она переехала жить в Америку, этот Вавилон нашего времени, и открыла там сеть туристических агентств – цены и услуги, которые предлагала ее фирма, заметно отличались от того, к чему привыкли туристы, и вскоре Марина начала получать прибыль. Она справилась со своим горем и с головой ушла в работу, не забывая о своем увлечении – путешествиях. Однако не спешите обвинять ее в алчности, Марианна Масри никогда не была в стороне от благотворительности, помогала сиротам, возможно, потому что сама с довольно раннего возраста стала сиротой и росла на попечении бабушки и дяди. Марианна, теперь уже ее звали так, основала благотворительный фонд в защиту детей-сирот, и не одна тысяча бедных детей получали от нее подарки на Рождество.

Однако вернемся к ее карьере, которая стремительно шла по возрастающей. Туристические агентства под общим названием «Хабиби», что в переводе с арабского означает «любимая», вскоре стали открываться по всему миру. Не забыла она и своей родины, родного города Тарасова, потому что именно здесь, после Москвы и Питера, тоже было открыто ее агентство, и я надеюсь, что те из читателей, кто побывал в нем, подтвердят, что услуги, предлагаемые агентством, как и цены, вас приятно удивили.

Но вернемся к нашей героине, теперь она, после пяти лет счастливого замужества, трех лет обретения себя и десяти лет нелегкой, поглощающей все ее силы работы, вошла в список тысячи самых богатых людей мира. Не это ли награда за труд? Неужели же вы, скептик, все еще усмехаетесь своей пренебрежительной улыбочкой, все еще считая ее жизнь пустой? Что ж, тогда оставайтесь при своем мнении, напоследок, правда, я сообщаю вам последнюю новость – Марианна Масри после восемнадцатилетнего отсутствия возвратилась на родину. Она добила много, но, по ее собственному признанию, всегда мечтала вернуться домой, в город, где родилась и по которому скучала, несмотря на то что видела столько дивных красот и иных земель. Она вернулась, и, смею вас заверить, она все та же милая, отзывчивая и улыбкавая Марина Хмурова, какой ее здесь помнят, хотя и прошло уже столько времени. Она все та же, и она наша Марина».

Я все-таки нашла в себе силы дочитать до конца эту приторную патетическую чушь насквозь рекламной статейки, мельком глянула на имя этой балбески-журналистки, которое мне ни о чем не сказало, про себя посетовав, что есть такие и в наших рядах, еще раз просмотрела фотографии этой самой Марианны – светловолосой и синеглазой, широколицей и скуластой, но при этом действительно мило улыбающейся заученной голливудской улыбкой в своем офисе, на лоне природы, в обнимку с какими-то детьми и, наконец, в аэропорту – и посмотрела на Леру, не сдержав, однако, вздоха. Мне как-то эта королева турфирм не очень нравилась, хотя имя ее я слышала не единожды и даже как-то пользовалась услугами ее агентства, пару лет назад, когда мы с Володькой выкроили двухнедельный отпуск и отправились на Канары. Что и говорить, а цены у нее в фирме были действительно божеские, а тот пакет услуг, что мы купили, ни разу нас не разочаровал. Может быть, она и впрямь такая замечательная? Я смотрела на Леру, а Галина Сергеевна – на меня.

– Ну и что? – Лера не выдержала первой, глядя прямо в глаза мне и пытаясь угадать мою реакцию.

– Ну, в принципе...

Но договорить мне снова не дали, потому что на пороге редакции появился новый персонаж. Павел Андреевич Старовойтов, наш оператор, жуткий лентяй по убеждениям, но при этом высокочеловеческий специалист и донжуан, умеющий строить глазки всему женскому коллективу нашей небольшой телестудии. Еще он славился своей ухоженной темной бородой и ростом Геркулеса. Насчет силы, правда, ничего сказать не могу, Павел ее либо мастерски скрывает, либо, что было бы обидно при такой фактуре, – просто не имеет.

– День добрый! – сказал Павел и тут же занял свое любимое кресло, единственное удобное во всей студии. Похоже, на него не оказывала никакого влияния погода за окном и он нисколько не был подвержен депрессии и авитаминозу. По крайней мере выглядел он свеженьким, бодреньким и замечательно здоровым.

– Был добрый! – тут же откликнулась Лера, у которой с Павлушей был затяжной роман на уровне: «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть...» – и далее по тексту.

– Польщен! – коротко бросил Пашка. – Я, кажется, прервал беседу? – он вскинул темные брови.

– Да нет же, – быстро среагировала я, обрадовавшись его появлению и все еще обдумывая статью. – Мы тут статью одну обсуждаем, – и протянула ему газету, причем Лера метнула на меня выразительный взгляд, который вполне можно было истолковать как презрительный, хотя и не хотелось так плохо про нее думать.

Павел тут же углубился в чтение, а я встала, чтобы налить себе еще чаю.

– Ну так что? – снова спросила Лера, выжидательно глядя на меня.

– Я думаю, – вмешалась Галина Сергеевна и изящным движением поправила свою модную короткую стрижку, – что она нам подходит.

– Вот и я так подумала! – воскликнула Лера, явно благодарная начальнице за поддержку. – Согласитесь, Марина просто создана для нашей передачи!

– Ну я бы, – проговорила я врасяжку, вернувшись к столу с чаем, – не решилась так скоропалительно судить... и потом, Марианна явно создана еще для каких-то вещей, кроме нашей передачи, например, чтобы сироткам помогать, – не знаю почему, но я упрямо не хотела с ней связываться, хотя и понимала, что идея очень даже неплоха, просто депрессия плюс авитаминоз оказывали свое губительное воздействие.

– Ириночка, – назидательно произнесла Галина Сергеевна, – но ведь ты не можешь отрицать, что такая героиня нам как раз и нужна для поднятия рейтинга и общего боевого духа.

– Не могу, – вздохнула я и уставилась в кружку с чаем.

– Вы чего-то недоговариваете, – обиженно проговорила Лера. – Вам что, Марианна чем-то не нравится? Так вы прямо скажите.

– Не знаю, что со мной, – честно призналась я, прямо взглянув на коллег, – но что-то там, внутри... – я замолчала.

Мне, человеку несуетливому, трудно было четко обозначить свои ощущения, в противном случае я бы назвала это... предчувствием? Пожалуй, так.

– Если только это, – отрезала Галина Сергеевна, истолковав, видимо, по-своему мои сомнения, – то это – ерунда!

– Кстати, – подал голос Павел, прочитав статью, – я тоже кое-что могу рассказать вам об этой мадаме. – Все взгляды обратились к нему, а он, вальяжно закинув ногу на ногу и положив на колено газету, добавил: – Я знаком с ее братом, сыном того самого дяди, что воспитывал ее. Это замечательный парень, мы с ним, можно сказать, даже закадычные друзья. Так вот, он мне как-то рассказывал о своей тетушке. – Тут Павел замолчал, видимо, ожидая, что его станут расспрашивать.

– И что именно? – Лера оправдала его ожидания.

– Ну, он-то, например, говорил, что не такая уж она и милашка, Марианна эта, как ее здесь расписывают.

– Паша, – сказала я, – неужели ты думаешь, что это, – я выразительно посмотрела на газету, – все правда, от слова до слова?

– Да нет, конечно, – обезоруживающе улыбнулся Павел. – Но я просто хотел сказать, что через Митьку выйти на эту тетушку проще всего. Да и с самим Митькой, мне кажется, можно поболтать, он, я уверен, не откажется рассказать некие, – тут его голос завибрировал, – наиболее пугающие, таинственные истории из биографии своей тетки!

– А при чем здесь это? – дернула Лера плечиком. – Какие у нее, – она тоже кинула взгляд на газету, – могут быть страшные тайны?

– Ну, не говори, старушка, – Павел выразительно повел глазами, – неужели ты думаешь, что такие деньги могут завестись у человека просто так? Наверняка тут замешаны разборки с конкурентами и нелегальный бизнес под прикрытием...

– Да ну тебя! – фыркнула Лера. – Боевиков насмотрелся! А мне она очень даже нравится, – объявила она. Затем поднялась и схватила газету с Пашкиных коленей, потом долго всматривалась в фотографии. – Я так, например, всегда уважала таких женщин, которые способны сами себе сделать имя и карьеру, ни на кого не полагаясь.

– Феминизм чистой воды! – вставил Паша, за что получил сложенной газетой по лбу.

– Ну, что скажешь, Ирина? – спросила меня Галина Сергеевна.

– Даже не знаю, – пожала я плечами. – Но в любом случае на эту неделю у нас уже есть героиня. По-моему, она нисколько не хуже Марианны.

– Возможно и так, – согласилась Моршакова, – но на следующую неделю...

– Давайте не будем загадывать, – предложила я. Почему-то не хотелось мне встречаться с этой дамой, хотя прежде я к своим героиням никогда не испытывала подобных чувств.

– Ну, хорошо, – снова согласилась Галина Сергеевна, затем взглянула на часы. – Обед окончен. Пора за работу.

В тот день мы не говорили больше о Марианне, по крайней мере на работе, занимаясь доводкой сценария на ближайший эфир, героиней которого должна была стать директор крупнейшей библиотеки города.

А перед тем как разойтись по домам, Лера спросила, все еще сияя глазками:

– Так вы что, Ирина Анатольевна, не почувствовали сегодня действие витаминов?

– Нет, Лера, – сказала я, сдерживая улыбку. – Но зато относительно тебя этого не скажешь. Или это действие Марианны Масри?

– Не знаю, – весело улыбнулась Лера и добавила уже в дверях: – До свидания!

– До свидания, до свидания, – отозвались мы с Галиной Сергеевной, засобиравшись домой.

– Что сказать, – прежде чем окончательно попрощаться, произнесла Моршакова, – Лера совсем молоденькая девочка, а вот мне эти межсезонные кризисы даются все труднее.

– Да и мне тоже, – ответила я.

– Ну, тебе-то еще рано... Ладно, пойду, – и Галина Сергеевна скрылась за углом.

Я немного постояла в вечернем сумраке, подставляя лицо порывам ветра, посмотрела на темное небо, подумав, что завтра может выдаться солнечный денек и все переменится к лучшему. Но вообще-то Галина Сергеевна ошибается, я уже начинаю чувствовать свой возраст. Хотя двадцать семь – это вроде бы еще и не возраст, но... Я вздохнула и медленно побрела к остановке.

* * *

Вернувшись домой, я застала своего благоверного за очень полезным занятием – он читал. Удобно расположившись на диване в гостиной, вооружившись чаем и бутербродами, Володя так увлекся книгой, что, кажется, даже не слышал, как я вошла. Скинув в прихожей шубку, стянув сапоги и дивясь про себя, почему это супруг меня не встречает, я заглянула в комнату и вот тут-то и обнаружила эту милую картинку.

– Привет! – ласково сказала я, приблизившись уже вплотную и чмокнув мужа в макушку. – Что читаем?

– Честертона, – ответил Володя, бросив на меня быстрый взгляд.

– Вот как? – я как-то даже удивилась. – Ты что же, не читал его раньше?

– Читал, – со вздохом отозвался муж и нехотя оторвался от книги. – Читал, конечно, но давно. А сейчас вот захотелось... Ты знаешь, а ведь увлекательная штука! Просто поражаешься находчивости этого маленького священника!

– Не священника, – не удержалась я, – а автора.

– Не все ли равно, кого из них! – отмахнулся Володька. – Главное, что поражаешься! Вот в этом рассказе о коптской чаше, например, это поразительно, что случилось с ее владельцами... Называется «Небесная стрела».

– И что же случилось с ее владельцами? – снисходительно усмехнулась я. Честертона я тоже читала довольно давно и не помнила, о чем там, собственно, речь.

– Они все умирали при таинственных обстоятельствах! – загадочно сказал муж таинственным голосом. И эта интонация вдруг напомнила мне Пашку, говорившего о каких-то таинственных историях с Марианной Масри. «Чертовщина какая-то», – подумала я и нахмурилась.

– Что с тобой? – тут же среагировал муж. – Что-то случилось?

– Не знаю, – я пожала плечами. Затем потянулась и провела рукой по его непослушным черным волосам. – Наверное, просто устала.

– А я-то хорош! – тут же подскочил с дивана Володька. – Жена уставшая пришла, а я даже покормить ее не тороплюсь.

– Потом, – сказала я. – Это подождет, просто обними... Знаешь, – добавила я, прижавшись к его плечу, – у меня, наверное, депрессия. Или авитаминоз. Или – то и другое сразу. Мне что-то так тоскливо и вообще...

– Надо принимать витамины, – назидательно произнес Володя.

– Уже. Купила сегодня, но что-то как-то... – я пожала плечами.

– Тогда... – интригуяюще произнес муж, – я знаю одно старинное народное средство против депрессии. Правда, не знаю, как оно действует против авитаминоза, но полагаю, что тоже помогает... – и он наклонился к моим губам.

Ужин в тот день сильно запоздал, а во время еды разговор снова коснулся Марианны. Хотя началось все издалека, и я даже представить себе не могла, что история, рассказанная мужем, опять приведет меня к мыслям об этой женщине.

– Сегодня мне на глаза попалась одна весьма занимательная статья, – сказал Володя, ловко орудуя ножом и вилок и расправляясь с отбивной.

– И что же в ней?

– В ней рассказывается об одной реликвии, индейской золотой пластине, которая некогда, говорят, принадлежала исчезнувшему североамериканскому индейскому племени, родственному майя, – охотно принялся рассказывать муж. – У этой пластины, обладающей якобы какими-то фантастическими возможностями, довольно темное прошлое. Она якобы была заговорена на богатство ее владельца и могла даровать ему очень большую власть.

– Ну, как всегда, – хмыкнула я. – С этими реликвиями всегда одно и то же.

– В общем, да, – кивнул Володька. – Тут та же самая история, ты права, индейцы пластину заговорили, потом ее похитили, они вернули ее, прокляли и разделили на две половины, а затем со всеми ее последующими владельцами начали происходить странные и страшные вещи. Все они умирали при невыясненных обстоятельствах.

– А ты ничего не путаешь? – лукаво переспросила я. – Может, ты просто рассказываешь мне недочитанный рассказ Честертона? Там ведь тоже...

– Нет, – нетерпеливо перебил муж. – Я, может, и начал классика перечитывать по этой причине, что про пластину эту узнал. Словом, она много раз терялась в частных коллекциях, потом снова всплывала на каких-то аукционах – то одна ее часть, то другая, а то и сразу обе, – а затем опять пропадала бог знает куда. Это длилось веками. Но проклятие индейцев оставалось в силе.

– Ну, конечно! Кто бы сомневался! – сыронизировала я.

– А сейчас, говорят, – продолжал муж, скривив обиженную гримасу, – ею владеет одна наша соотечественница, мол, обе части у нее в коллекции.

И вот тут я снова вспомнила о Марианне и снова нахмурилась.

– Тебя что-то тревожит? – спросил Володя, и я ему честно рассказала обо всем.

Он нежно погладил меня по волосам и сказал сакраментальную фразу о том, что утро – оно всегда мудренее, и мы отправились спать, позволив себе сегодня маленькую поблажку в виде непомытой после ужина посуды.

Глава 2

Утро выдалось солнечным и по-весеннему теплым. Я поняла это сразу, как только открыла глаза. Синее небо! Вот это новость, выходит, некоторые желания могут исполняться с такой молниеносной скоростью. Еще вчера я так мечтала о синем небе и ярком солнце, что, казалось, ничего другого в жизни мне и не нужно. И вот сегодня... «А нынче, – вспомнился мне Пушкин, – посмотри в окно...» Я проворно вскочила, выглянула и обрадовалась. Снег таял буквально на глазах, солнце сияло, словно сумасшедшее, и не скажешь, что по календарю все еще зима, хотя и с зимой в этом году что-то было не очень.

Словом, я проснулась бодрой и готовой к новым трудовым подвигам. Настроение только улучшилось после обычных утренних процедур, приправленных нежным поцелуем мужа и горячим крепким кофе, а также витаминами, и на работу я пришла, чувствуя себя преотлично.

Ни следа апатии и уныния последних дней – сегодня ничто не напоминало о недавней тоске, и даже по дороге на работу я не предавалась своим мечтам о другой передаче. Нет, я просто смотрела по сторонам и еле сдерживала улыбку, чтобы хмурые люди в троллейбусе не приняли меня за ненормальную. А я даже удивлялась, видя насупленные брови и недовольные складки у губ пассажиров – как же можно хмуриться в такой прекрасный день?

Чувствовала я себя, как выздоровевший после тяжелой болезни человек. Интересно, что же так резко изменило мое настроение и самочувствие? Неужели Володькино «народное средство»? Или все-таки витамины? Или я просто исчерпала лимит хандры? Вот такими вопросами я и задавалась по дороге на телестудию.

Галина Сергеевна, как всегда, опаздывала уже на десять минут, в течение которых мы с Лерой успели выпить по чашке кофе и подивиться непредсказуемости зимы в средней полосе России.

– Я вижу, вы сегодня чувствуете себя лучше? – спросила Лера, которая тоже выглядела бодрой и свеженькой.

– Да, Лерочка, должно быть, солнце влияет, – улыбнулась я, вспомнив о... Впрочем, оставим.

– Ну, а что вы скажете, Ирина Анатольевна, по поводу Марианны Масри? – не удержалась Лера. – Ни за что не поверю, что вы о ней вчера не думали!

– Конечно, думала, – вздохнула я. – И, знаешь, мне кажется, что надо о ней собрать побольше информации. Ну, чтобы иметь более точное представление, что она за человек, – я опустила глаза. Конечно, это была всего лишь отговорка, и Лера не могла этого не понять.

– Хорошо, – коротко кивнула она. – Давайте попробуем, тем более что у нас еще есть время.

Я благодарно улыбнулась сообразительной девчушке, и тут на пороге наконец-то появилась Галина Сергеевна.

– Доброе утро, девочки! – поприветствовала она нас, и, глянув на нее, мы поняли, что и на ней сказалась самым наилучшим образом перемена погоды. Вкупе с витаминами, разумеется.

Итак, наш рабочий день начался на мажорной ноте. А осада моей крепости планомерно продолжалась. Только сегодня выпад был сделан с неожиданной стороны.

Во второй половине дня к нам, мирно обсуждавшим новую передачу, эфир которой был запланирован через четыре дня, заглянул Валера Гурьев, репортер криминальной хроники. Его появление, как всегда, было встречено с энтузиазмом: Валера не зря слыл мастером рассказа баек из криминальной жизни Тарасова. Но на этот раз он появился с несколько иной историей.

– Привет всем, – сказал Валера и протянул мне журнал. – Ирочка, это тебе, почитай, мне кажется, – он хитро улыбнулся, – что ты найдешь тут кое-что интересное.

Журнал назывался «Тайны мира» и, естественно, как нетрудно было догадаться, рассказывал о разных таинственных реликвиях, об экспедициях за сокровищами и кладами, о тайнах Атлантиды, Бермудского треугольника и прочее, и прочее. Признаться, никогда бы не подумала, что Валера интересуется подобными вещами.

– А что именно советуешь почитать? – спросила я, листая страницы.

– А вот там статейка об одной индейской золотой пластине. Кажется, страница двадцатая, – ответил Валера.

– Интересно, – произнесла Галина Сергеевна.

– Интересно, – согласилась и я, отыскивая статью. Похоже, именно ее читал мой муж вчера. Я пробежала глазами полосу. Кое-что мой супруг пропустил, пересказывая мне вчера этот материал, а именно то, что реликвия-то, оказывается, по упорно блуждающим слухам, находится не где-нибудь, а в коллекции Марианны Масри. Выходит, предчувствия меня не обманули... – Валера, – подняла я на него глаза, – признайся честно, кто тебе рассказал об этой тетке?

Валера расхохотался, показав ряд белых зубов. Чем, интересно, он их чистит?

– Раскусила, – сказал он. – Пашка.

– Ладно, – кивнула я. – Похоже, вы все просто сговорились. Ничего не поделаешь, остаюсь в меньшинстве и сдаю свои позиции. Лера, свяжись, пожалуйста, с секретарем этой самой Марианны...

Лера тут же среагировала и засела на телефоне; Галина Сергеевна что-то пробормотала; Валера, сделав свое черное дело, ушел, оставив мне журнал, а я вновь принялась думать об этой женщине. Признаться, она уже начала меня всерьез интересовать. Что же это за птица такая, Марианна Масри, свалившаяся на нашу голову? Бизнес-леди, благотворительница, путешественница, обладательница коллекции раритетов?.. Похоже, та еще штучка.

– Я думаю, передача получится классной, – мечтательно произнесла Галина Сергеевна.

– Если она согласится в ней участвовать, – тут же откликнулась я.

– Конечно же, Ира, она согласится, – заверила меня Моршакова. – Разве она может нам отказать?

– Не может, – поддакнула ей Лера, все еще куда-то названивая.

– Не может, конечно, – ехидненьким голоском откликнулась я и принялась за более тщательное изучение статьи. Не знаю, что на меня нашло, обычно я более доброжелательно отношусь к своим будущим героиням.

Однако статья помогла мне узнать некоторые интересные подробности...

Например, что об этой загадочной пластине действительно ходили самые упорные слухи, мол, всем ее владельцам непременно грозила смерть при таинственных обстоятельствах. Все они умирали загадочной смертью, однако это обстоятельство не убивало желания новых потенциальных жертв завладеть реликвией исчезнувшего индейского племени. «Странные люди эти коллекционеры, – подумала я. – Прямо-таки экстремалы какие-то».

В этой пространной статье упоминалось еще о некоем Жреце Смерти, якобы терроризирующем своих жертв подметными письмами с угрозами и требованием вернуть реликвию на родину индейцев. Что это за личность такая, можно было только гадать, но автор статьи намекал, что это – материальное воплощение проклятия индейского шамана. Довольно забавно. На дворе третье тысячелетие, а тут – бабушкины сказки про бабаев. И потом, читая статью, я никак не могла отмахнуться от назойливого ощущения, что все это мне каким-то боком знакомо. Но вот откуда? Хотя, конечно, все в мире повторяется...

Я дочитала и подняла голову.

– Слушайте, а вам не кажется, что это что-то очень сильно напоминает? – с сомнением спросила я, не будучи вообще мистически настроенным человеком. – Как-то неубедительно выглядит некий посланник смерти...

– Да ладно, Ирина! – с жаром, которого я в ней не подозревала, воскликнула Моршкова. – Ну что ты в самом деле! Ты оцени замысел статьи! А о том, стоит ли за этим правда... – она нахмурилась. – Да если и не стоит, то все равно дыма без огня не бывает! И потом, эти мистические мазки только на пользу пойдут нашей передаче! – закончила она вполне уверенно.

– Сдаюсь! – в очередной раз повторила я. А тут как раз Лера добила разговор с секретарем вдовушки. Как ей удалось узнать телефон этой мадамы, осталось ее профессиональным секретом. Оказалось, что секретарь неплохо владеет русским, потому что Лера, начавшая с ним беседу на английском, очень скоро перешла на родной язык.

Мы тактично молчали, прислушиваясь к стандартным Лериным репликам. Я, признаюсь, очень надеялась, что эта полузаграничная цаца не соизволит снизойти до нас, но я ошиблась. Секретарь, выслушав Леру, попросил перезвонить через пару часов. В назначенное время Лера вновь набрала нужный номер, секретарь еще раз расспросил о передаче, которую Лера представляла, а потом сказал, что госпожа Масри согласна встретиться завтра, в первой половине дня, но приехать почему-то просили только меня.

Больше всего это огорчило Леру, вот кто хотел повидать вдову, так сказать, в естественной обстановке, а точнее – в ее загородном коттедже. Но, как говорится, хозяин – барин. Меня вежливо, но убедительно просили приехать одну, мол, для предварительной беседы. Но я прекрасно понимала, что зовут меня на смотрины. Если понравлюсь – есть шанс заполучить эту суперзвезду в нашу передачу, а не понравлюсь... На нет и суда нет. Я согласилась, хотя все мое естество вопило, что не желает тащиться к этой спесивой тетке и пытаться произвести на нее благоприятное впечатление. Как бы там ни было, но у меня тоже есть имя и авторитет, пусть для таких, как она, и ничего не значащий, но я уже далеко не девочка на побегушках. Словом, выиграло ретивое, мое самолюбие было явно задето. И я, хоть и дала согласие на встречу, но про себя тут же решила, что ни за что не стану к ней подлизываться. Не понравлюсь – не очень-то и хотелось. Словом, мы договорились о встрече.

Остаток дня прошел из рук вон плохо. Я нервничала, и даже милая директриса библиотеки, приехавшая к нам в редакцию, чтобы уточнить детали грядущей передачи с ее участием, меня ничуть не успокоила.

И куда подевалось мое радужное утреннее настроение? Меня снова ничего не радовало, я вновь поддалась обычному своему унынию и начала подумывать об отказе от программы. И Лера заметно помрачнела, видимо, ей действительно очень хотелось повидать Марианну Масри в домашней обстановке, посмотреть, как живут такие «суперженщины», какой у них дом, что подают на обед и вообще, каковы они в жизни. Вполне понятное любопытство, да и никогда прежде дамы такого уровня не встречались на нашем жизненном пути. К тому же я подозревала, что Лера втайне мечтает повторить судьбу Марианны. Но единственная возможность посмотреть на «звезду» в домашней обстановке проплыла мимо Лерочки.

Я даже хотела предложить ей поехать вместо меня, это, конечно, было бы тактической ошибкой, но так хотелось помочь девчонке. Впрочем, если мы стоворимся с Масри, то у Леры появится шанс пообщаться с Марианной, скажем, после передачи. Можно даже попробовать напроситься к ней в гости. Мы довольно часто поддерживаем отношения с героинями и после эфира. Кто знает, может, Марианна Масри не такая уж гордочка, а ради Леры можно и рискнуть...

Тем временем день закончился, и мы разбрелись по домам.

Впрочем, и дома уныние меня не покидало – отбивные пригорели, а соус получился пересоленным. Володя изо всех сил пытался меня как-то развеселить, но я только недовольно бурчала что-то ему в ответ, мол, устала и хочу пораньше лечь спать. Он даже поставил кассету с записью Паваротти, но я и на нее не отреагировала должным образом.

В итоге, я все-таки испортила настроение и своему мужу, потому что Володя, испробовав все доступные ему методы и способы меня развеселить, тоже надулся и демонстративно ушел

спать в гостиную на диван. Мне было стыдно, но я не смогла заставить себя помириться с ним. Хотя мы и не ссорились, но ощущение было такое.

Я завалилась спать в половине десятого, но еще долго ворочалась с боку на бок, непонятно о чем думая и прислушиваясь к звукам из соседней комнаты – Володиным шагам и работающему телевизору. Потом они смолкли, но я все еще не могла сомкнуть глаз. Пробовала даже почитать, но смысл прочитанного ускользал от меня, а мысли витали где-то далеко. Я तो ли мечтала о чем-то очень расплывчатом, то ли о чем-то вспоминала. Состояние было ужасное, словно пробираешься сквозь плотный туман. Уснула я далеко за полночь.

* * *

– Я знаю, что тебе нужно, – сказал мой муж утром, разбудив меня божественным ароматом свежесваренного кофе, который был принесен мне в постель. – Тебе нужен длительный отпуск.

– Спасибо, – ответила я, благодарно улыбнувшись, погладив его по щеке и порадовавшись, что муж нисколько не сердится за припадок дурного настроения накануне. – Спасибо, что простил.

– За что? – сделал круглые глаза Володька. – Разве ты в чем-то виновата?

– Да, – я потупилась. – И ты сам это знаешь.

– Разве? – он слегка улыбнулся. – Ну, может, только в том, что порой ты капризничаешь, словно малый ребенок?

Я подумала о ребенке.

– Володенька, – сказала я, – а давай маленького родим?

– Я не против, да только... – он хитро прищурился. – Только боюсь, что с двумя такими капризулями мне не справиться.

– Посмотришь, я изменюсь, – пообещала я.

– Тогда сначала изменись, – назидательно проговорил супруг. – Сколько тебе понадобится времени?

Я вздохнула, подняла глаза к потолку, всем своим видом изображая усиленную мозговую деятельность. Муж терпеливо ждал, но в глазах его и в уголках губ уже играла улыбка.

– Думаю, – наконец выговорила я, – за месяц управлюсь.

– Что ж, – кивнул он и не смог сдержать улыбку, – тогда через месяц... – и посмотрел на меня многозначительным взглядом.

– Через месяц, – невинно ответила я и принялась за кофе с булочкой.

– И это все? – удивился Володя. – Больше ты ничего не хочешь добавить?

– Пожалуй, сегодня ничего, – со вздохом откликнулась я. – Может, вечером... – Он пристально посмотрел мне в глаза. – Мне предстоит неприятная встреча, – пояснила я свое дурное настроение накануне – и, я очень не хочу туда ехать, но придется. Это та самая тетка, ну, я тебе о ней говорила... – Володя кивнул и, кажется, проникся моим состоянием.

– Желаю тебе выдержки и удачи, – сказал мой муж и поцеловал меня.

Настроение мое немного улучшилось. Ровно настолько, что, собравшись и вооружившись прекрасным макияжем, подчеркнуто-строгим костюмом и обворожительной улыбкой, я появилась в редакции, успев по дороге еще и обдумать предстоящий визит. Я решила, что, на всякий случай, следует привлечь к делу свою разведку и все-таки попытаться узнать об этой самой Марианне как можно больше. Например, такая ли она была милая и обаятельная в школе, как расписывала местная журналистка? И вообще, кто она такая, эта Марина Хмурова?

Объявив о своем решении, я попросила Леру заняться сбором материала о детстве и отрочестве Хмуровой. А разыскав бездельничающего Пашку и усадив его в любимое кресло, я потребовала, чтобы он встретился с племянником Хмуровой, тем самым Митей, о котором

он упомянул. Оба – и Лера, и Паша дали слово, что сделают все возможное, но взамен вытребовали взятку в виде коробки конфет. Пришлось согласиться. Так прошло утро.

Я оттягивала визит к Марианне, насколько могла, причем, зачем я это делала, я и сама не знала. Но ведь точное время нашей встречи не было оговорено, а «первая половина дня» – понятие растяжимое. В конце концов Галина Сергеевна велела мне не придуриваться и ехать к Марианне, она даже разыскала по этому поводу Костю Шилова, который никогда не упускал случая подвезти меня. Признаться, мне не очень-то нравилось оставаться с Костей наедине – его сосредоточенное сопение и томные взгляды меня несколько смущали, но тут я не стала пререкаться. Все равно придется ехать, тяни не тяни. В любом случае вряд ли назовешь первой половиной дня обеденное, а тем более послеобеденное время, между тем часы показывали начало двенадцатого. Я оделась и вышла из редакции. Что ж, ехать так ехать. С Костей, так с Костей.

* * *

Дом, в котором жила Марианна Масри, находился в получасе езды от редакции, можно сказать, практически за чертой города, хотя местность эта еще называлась Тарасовом. Сама улица имела довольно романтическое название – Соловьиная. Как она выглядела? Тоже довольно романтично. Глубокий овраг, только-только начинающий застраиваться домами самых новых из возможно «новых русских», с одной стороны имел довольно высокий и крутой обрыв, а с другой – засаженный деревьями пологий склон.

Сейчас здесь шло полным ходом строительство двух коттеджей, а из ранее построенных обращали на себя внимание три дома, один трехэтажный, светлый, без особых прикрас, хотя и явно с претензией на иноземную архитектуру, зато два других выглядели куда импозантнее. Первый в ряду по улице имел притязание казаться средневековым замком – четырехэтажный, облицованный красным кирпичом и снабженный многочисленными башенками с фальшивыми, а может, и настоящими бойницами. Второй, стоящий чуть подальше, выглядел недомерком рядом со своим соседом, он имел два этажа, сложенные из белого кирпича, но зато его красная черепичная крыша и ажурный решетчатый заборчик сразу бросались в глаза. К какому из этих домов нам подъехать?

Я решила попробовать отгадать сама. В том, что дом а-ля средневековый замок не мог принадлежать Марианне, я не сомневалась, это скорее фантазия какого-нибудь местного нувориша, не знающего, чем еще поразить воображение своих приятелей. Дом под красной черепицей, наоборот, выглядел настолько буржуазным, что при виде его возникала мысль о большом семействе, чопорных нравах и домоседстве его обитателей, значит, нам нужен третий – трехэтажный, белый, стоящий особняком, он выглядел так, как обычно выглядят в кино дома в американском пригороде, если бы не высокий железный забор тоже, кстати, белого цвета. Я смело указала Косте на это строение, а затем, только проверив по бумажке адрес, утвердительно кивнула. Я не ошиблась, номер три, так и есть. Это маленькое развлечение меня несколько позабавило, я даже улыбнулась, на что Костя, большую часть дороги сосредоточенно сопевший рядом со мной, ответил лучезарной улыбкой.

Мы доехали до белого забора и остановились у ворот. Часы показывали пять минут первого. Я вышла из машины, и Костя последовал за мной, словно привязанный. Позвонив по домофону, я назвалась, и калитка бесшумно распахнулась. Я просила Костю подождать меня тут, надеясь, что вряд ли задержусь больше, чем на час. Костя безропотно согласился, заглянул в глаза своим «фирменным» взглядом и вернулся к машине.

Я вздохнула, покачав головой, и прошла во двор. Двор был просторный и пустой, здесь не было ничего, если не считать двух машин – спортивной синей «Ауди» и пресловутого черного «Мерседеса», а на пороге дома, к которому вела расчищенная и выложенная плитами дорожка,

метрах в пяти от калитки, стоял высокий молодой человек в сером свитере и темных брюках, видимо, он встречал меня, потому что приветливо махнул рукой и улыбнулся.

Я подошла.

– Здравствуйте, – сказал молодой человек по-русски довольно чисто, без акцента. – Я – Эд Проханов, секретарь госпожи Масри. Сейчас она не сможет вас принять, но через полчаса она освободится. Пройдете? – и он распахнул передо мной дубовую дверь, премило улыбувшись.

Я вошла в дом. Эд помог мне снять шубу, я тщательно вытерла ноги и засомневалась, нужно ли разуваться.

– Не разувайтесь, – разрешил мои сомнения секретарь.

Я смущенно улыбнулась, он передал мою шубу высоченному парню в спортивном костюме, встретившему нас у входа. У детины был такой пристальный взгляд, что сомнений не оставалось – перед нами охранник.

– Это охранник, – подтвердил Эд мою догадку. – Их тут пятеро, не считая начальника. Пойдемте наверх.

Мы подошли к пологой широкой лестнице с высокими перилами, устланной темно-зеленым ковром, и стали подниматься.

– Кабинет госпожи Масри, – пояснил секретарь, – на третьем этаже. Она просила провести вас в приемную. А вы давно на телевидении работаете? – спросил он.

– Да нет, не так чтобы очень, – отозвалась я, думая о том, что дом, конечно, у Марианны Масри очень даже ничего. Даже очень-очень.

– И как, интересно? – снова подал он голос как раз тогда, когда мы проходили второй этаж. – Вы всегда были ведущей?

– Да, только сначала я была диктором, а потом мы решили попробовать сделать нашу передачу, тогда это поветрие женских передач на нашем телевидении только начиналось. Я стала ведущей. А насчет интереса? Знаете, человек ко всему привыкает слишком быстро.

– Значит, не так, чтобы очень интересно? – догадался он.

– По-разному. Зависит от героини. И потом, мы ведь в прямом эфире передачу ведем, поэтому каждый раз по-разному... – тут я, конечно, приврала, потому что в основном никаких таких особенных отличий не было.

Мы уже успели подняться на третий этаж, пока секретарь задавал мне еще какие-то вежливо-несущественные вопросы. Вообще, как я успела заметить, молодой человек был очень мил. К тому же, как я уже говорила, он обладал довольно привлекательной наружностью. Высокий, строен, но не худ, широкий в плечах, длинноногий, с густыми каштановыми волосами и синими глазами, с прямым носом и тонкими губами, в уголках которых, казалось, таилась добрая насмешка. У него был хороший цвет лица и обаятельная улыбка. Каюсь, у меня тут же возник крамольный вопросик, только ли секретарские обязанности выполняет при госпоже Масри этот славный мальчик?

Наверху, на третьем этаже, в большом холле перед кабинетом, где, как объяснил мне секретарь, и находилась, или, точнее было бы сказать – скрывалась, от меня Марианна Масри, сначала я увидела троих мужчин, которых мне представил Эд. Один оказался племянником Марианны, второй – начальником ее охраны, а третий – этнографом.

Племянник, надо полагать, тот самый Митька, о котором говорил Павел, был чрезвычайно высок, как-то нескладно сложен, темноволосый, голубоглазый, он носил очки в тонкой металлической оправе и кривил пухлые губы при разговоре.

«Надо же, – подумала я, – Пашка-то небось его разыскивает, а он тут».

Однако, едва пожав мне руку, племянник извинился и, сославшись на важную встречу, удалился, попросив передать тете, что заедет вечером.

Начальник охраны, крепкий, с тяжелой нижней челюстью, с пристальным взглядом черных глазок-буравчиков, с плешинкой на макушке, не говорил по-русски, он вежливо поклонился, произнес свое имя – Генри Скорт – и сел в глубокое кресло, закулив сигарету.

Этнограф был немолод, сед, худощав, глубокие морщины залегли вокруг тонких губ, хищный нос делал его похожим на птицу. Он был одет в строгий костюм и часто и как бы натужно улыбался. Выяснилось, что по-русски он понимает совсем неплохо, хотя говорит с сильным акцентом.

Я улыбалась ему и вежливости ради решила поинтересоваться, чем же, собственно, он занимается. У нас состоялся интересный разговор с мистером Маккински, такова была фамилия этнографа, во время которого выяснилось, что он специализируется на исчезнувших индейских племенах и пишет сейчас какую-то работу на эту тему.

Естественно, что я сразу подумала, что этот человек явно неспроста приехал вместе с Марианной, и вспомнила о таинственной золотой пластине.

– Что-нибудь выпьете? – спросил меня Эд, когда церемония знакомства подошла к концу, племянник уже удалился, а начальник охраны засел в уголке со своей сигаретой.

– Если можно, сок, – попросила я.

Эд подошел к низкому стеклянному столику, на котором выстроился ровный ряд бутылок и графинов, надо же, успела я подумать, как в лучших домах Лондона и Парижа. Жаль, действительно, жаль, что Лера сюда не попала. Пока Эд наливал мне апельсинового сока, я обратилась к этнографу:

– Простите, – сказала я, – должно быть, ваша помощь понадобилась госпоже Масри в связи с той реликвией, которая находится в ее коллекции, я говорю о пластине индейцев?

Эд бросил на меня настороженный взгляд, подал сок, услышав от меня: «Спасибо», кивнул в ответ, улыбнулся и остался рядом с нами, а мистер Маккински встрепенулся и согласно закивал:

– Та, госпожа Масри тейсфительно обладает этой... – он пощелкал пальцами, – как этто по-русски? Рэликвия? Та? – Эд кивнул. – А я тейсфительно перефел письма, выпитые на пластинэ. Этто старый загофор, обращенный к богу Тута-Ту, котторого индейцы потчитали за могущественного туха, способного таровать тениги и власть. О, это била интэрестная работа! Я никогта не фстретчал таких загофороф, пришлось потрудитца! – и его старое лицо озарила улыбка. – Сейтчас, кстати говорить, госпожа Масри как раз тчитает эттот загофор.

– Так, значит, это правда! – не удержалась я. – То, что пластина у нее, и то, что на ней выбит заговор? Неужели она в это верит?

– О, – сказал этнограф, – естли би ви видэли этту вестцъ, вы би тоже пофэрили.

Я помолчала. Вот как, значит, Марианна верит во всю эту чушь? Впрочем, их, богатых, не понять, у них, как говорится, свои причуды.

– Скажите, – не унималась я, – а она часто это делает?

– Тчитает? – уточнил Маккински. – Та, этто нужно тэлатъ целый месяц, in midday, – он показал на стрелки больших настенных часов, показывающие четверть первого, – понимайт?

– В полдень? – сообразила я.

– О, та, та, – улыбнулся этнограф. – В польдень. Три раз тчитатъ... Но мнэ пора, – вдруг спохватился он. – Хотчу кое-тчто стэлатъ. Рат бил погофорить. Thank you.

И он, пожав мне на прощание руку, вышел из холла.

– Надо же, – сказала я, отпив из высокого стакана, только затем, чтобы что-нибудь сказать, – а мне казалось, что все это выдумки.

– Выдумки? – холодно переспросил Эд. – Вы вообще знаете историю этой пластины и то, сколько горя принесла она своим обладателям?

– Ну, я кое-что читала, – сказала я и почему-то смутилась, читала-то я совсем немного.

– Кое-что, – горько произнес Проханов и досадливо махнул рукой. – Это у вас тут кое-что пишут, а у нас там все с ума посходили. Какую газету ни раскроешь – всюду только об этой пластине и читаешь. Просто сумасшествие какое-то. Знаете, что случилось с двумя прежними владельцами?

– Они умерли? – спросила я наугад, вглядываясь в изменившееся и даже как-то ожесточившееся лицо секретаря.

– Да, они умерли, – все так же холодно ответил он. – Какой-то фанатик сначала писал им письма с угрозами, а затем убил. Одного вообще непонятно, каким способом, потому что тело нашли в доме без всяких следов насильственной смерти. А другого... – по его симпатичному лицу прошла еле заметная судорога, – а другого тоже сначала травили письмами, а потом, разорвав, довели до инфаркта.

– Вы так говорите, будто они вам были хорошо знакомы... – пролепетала я, совершенно растерявшись и отчего-то испугавшись и даже пожалев, что со мной рядом нет Кости Шилова.

– Да, госпожа Лебедева, я так говорю, потому что второй владелец пластины был моим отцом, и я поклялся, – его лицо приняло одухотворенное выражение, глаза загорелись, щеки покрылись румянцем, – что найду этого негодяя, устроившего травлю на владельцев пластины, кто бы он ни был! Найду и отомщу за смерть моего отца!

– Но... – я попыталась было что-то сказать.

– Но? – с легкой усмешкой переспросил Проханов. – Нет, поверьте, я принял достаточно мер, – он бросил на начальника охраны быстрый взгляд и поправился: – Мы вместе с мистером Скортом приняли все меры безопасности, чтобы поймать этого подлеца и не дать ему совершить еще одно злодеяние.

– А вы уверены, что оно должно произойти? – я что-то не совсем понимала, о чем мы тут толкуем.

– К сожалению, да, – вздохнул секретарь. – Понимаете, травля эта, как мне известно, продолжается довольно долго. Уж не знаю, как там на самом деле было в прежние времена, хотя журналисты и охотно печатают страшные истории о бывших владельцах, чуть ли не со времени колонизации индейцев, но я мало этому верю. Я мало верю в то, что действительно действует какое-то индейское проклятие, которое их шаманы якобы наложили на этот кусок золота, по крайней мере я мало верю в то, что действует какой-то дух. А вот в то, что какой-то ненормальный, какой-то маньяк вдруг решил использовать эту легенду как свое прикрытие, вот в это я верю. И даже очень. Вполне может быть, что у него просто с мозгами что-то случилось, и он начал охоту за владельцами пластины. Это весьма вероятно. И сейчас, если над кем-то и нависла угроза, так это над моей хозяйкой.

– Вот как? – снова спросила я, видимо, секретарь немного запыхался, потому что замолчал, но тут он снова разразился целой тирадой.

– Да, сейчас хозяйка одна владеет обеими частями пластины, а мы, по мере возможности, пытаемся ее уберечь от этого маньяка, кем бы он там ни оказался. Пластина находится там, за дверью, – он кивнул в сторону кабинета, – она хранится в специальном сейфе, но вход в комнату, где находится реликвия, только один. Весь дом снабжен сигнализацией и видеокамерами, поэтому проникнуть сюда незамеченным невозможно. И хотя хозяйка уже получала письма с угрозами, но ему, этому мерзавцу, подписывающемуся Жрецом Смерти, сюда не попасть! – он говорил с таким жаром, что даже невозмутимый мистер Скорт поднялся и приблизился к нам.

Эд что-то сказал ему, видимо, успокаивая, а затем повернулся ко мне.

– Так что, госпожа Лебедева, – он снова вернулся к своей обычной обаятельно-спокойной манере общения, – это своего рода цитадель, крепость, а я ее страж. Моей хозяйке, пока она здесь, ничто не угрожает.

– Странно, – произнесла я.

– Что именно?

– То, что она согласилась встретиться со мной. Если дело обстоит так серьезно, сомневаюсь, что она захочет участвовать в нашей передаче. Зачем я здесь, Эд?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Может, она захотела пообщаться с кем-то из земляков?

– Может, – вздохнула я, ощутив прилив неприязни к этой женщине, занимавшейся за стеной каким-то шаманством.

Мне страстно захотелось покинуть это место, мне казалось, что здесь происходит, или только готовится, а может, уже даже произошло, что-то действительно жуткое. Но уходить сейчас, проведя в ожидании полчаса, было попросту глупо. Поэтому я смирилась, решив для себя свести разговор с Марианной к минимуму и надеясь, что она сразу же откажется приехать к нам в студию. Если дела обстоят так, как только что расписал их Проханов, вряд ли она рискнет. Правда, я тут же подумала, что она может рискнуть уже хотя бы потому, что здесь не Штаты и шанс попасться в лапы к сумасшедшему Жрецу сведен практически к минимуму.

– Скажите, Эд, – обратилась я к секретарю, – а здесь ваша хозяйка уже получала письма от...

– К сожалению, да, – вздохнул молодой человек. – Сегодня утром. На конверте, между прочим, стоял тарасовский штамп.

– Но это значит...

– Да, это значит, что он уже здесь, хотя мы приехали всего неделю назад.

Секретарь снова помрачнел, но затем бросил взгляд на часы, показывающие тридцать пять минут первого.

– Пойдемте, – произнес он. – Хозяйка освободилась. Я только загляну к ней на минутку, сообщу о вашем визите.

Я кивнула.

Эд исчез за дверью кабинета, но уже через минуту выскочил оттуда бледный, растерянный, задыхающийся, и оба мы с начальником охраны поняли, что случилось нечто ужасное. Предчувствия меня не обманули...

– Госпожа... – пролепетал Проханов. – Марианна...

Мы с мистером Скоттом, не сговариваясь, рванули к кабинету и оказались в святой святых. Кабинет был небольшой, наполовину перегородженный. В первом отсеке стоял письменный стол с компьютером, у окна, расположенного в стене напротив двери, – диван, пара кресел и стеклянный столик между ними. За перегородкой, у такого же большого окна, распахнутого настежь и выходящего на пологий склон оврага, стоял высокий пюпитр, покрытый тяжелой черной тканью, а на нем лежала пластина. В ярких лучах дневного солнца она сияла нестерпимо, я даже зажмурилась на мгновение. В левой стене виднелся сейф, дверца которого была распахнута. А на полу, на дорогом ковровом покрытии темно-серого цвета...

На полу лежала Марианна Масри. На ней было надето строгое черное платье, русые волосы убраны в гладкую прическу, она лежала навзничь, раскинув руки, поджав ноги, напоминая подбитую большую черную птицу. Глаза смотрели в потолок, вокруг головы темнело кровавое пятно, а прямо посреди молочно-белой шеи, там, где скрещивались ключицы, торчала стрела.

Глава 3

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – Марианна Масри мертва.

Однако мы с мистером Скортом все-таки бросились к несчастной, а вдруг... Но Жрец Смерти явно настиг очередную свою жертву. Только как ему это удалось?

Я посмотрела за окно. Дом Марианны находился метрах в пятидесяти от отлогого склона оврага, заросшего деревьями, по большей части хвойными.

«Неужели оттуда?» – вот о чем подумала я, вглядываясь в просветы между деревьями. Я не была специалистом по стрелковому оружию. Но кое-что я заметила.

– Что это?! – воскликнула я, показав за окно.

Мистер Скорт меня не понял, он склонился над телом хозяйки, сокрушенно причитая, но Проханов был здесь же. Он быстро подошел ко мне и уставился вдаль, на склон, туда, где между деревьями мелькнула тень.

– Это, должно быть, он! – вырвалось у Проханова и, не говоря больше ни слова, он позвал Скорту и указал ему на то место, где только что мелькнула тень. Видимо, того мерзавца, кто совершил очередное преступление.

– Вы знаете, как вызывать «Скорую» и полицию? – взволнованно спросил Эд, протягивая мне телефон. – Помогите, пожалуйста.

Я набрала номер «Скорой», а затем милиции и сообщила о случившемся. Поскольку я стала невольной свидетельницей происшедшего, то сочла нужным позвонить и своим на работу, чтобы сообщить, что задержусь. Затем, обратившись к Эду, сказала:

– Эд, там внизу мой водитель, я должна его предупредить. Видимо, мне придется задержаться до приезда милиции.

– Да-да, конечно, – согласился он. – Пойдемте. Не хочу тут оставаться.

Мы вышли из кабинета, закрыв дверь, и спустились вниз по широкой лестнице.

– С ней точно было все нормально, когда вы ее оставили в комнате? – спросила я, все еще находясь в шоке от всего произошедшего.

– Да, – спокойно ответил секретарь и прямо посмотрел мне в глаза.

Мне захотелось ему поверить. Да и вряд ли у меня были какие-то подозрения относительно этого милого мальчика. Он с таким жаром доказывал, что предпринял все возможное, чтобы предотвратить это убийство.

– Я виню себя, – сказал мне Эд, когда мы оказались внизу. – Я не учел одного – окно.

– Вы думаете, ее убили из окна? – спросила я, почувствовав приступ тошноты при воспоминании о Марианне, лежащей там, наверху.

– Да, – коротко ответил Эд. – Я открою вам дверь, а сам останусь здесь.

– Хорошо, – я уже взялась за дверную ручку, но остановилась. – Постойте-ка! – воскликнула я. – Вы ведь сами сказали, что весь дом снабжен камерами, значит, надо всего лишь посмотреть запись! – мне показалось, что моя догадка просто гениальна.

Однако секретарь не разделял моего энтузиазма, он глубоко вздохнул:

– Хозяйка не хотела, чтобы камера снимала ее, когда она оставалась с пластиной. Да, камера есть в кабинете, но за перегородкой ее нет.

– Но все равно, – не унималась я, – все равно, ведь кое-что можно разглядеть и при помощи одной только камеры.

– Что? – спросил он. – То, как мы зашли с ней за перегородку, а затем я вышел, а она осталась? Но так происходило каждый день. Я помогал ей достать пластину, а затем оставлял ее одну.

– Но время смерти! – я решила не сдаваться. – Не может быть, чтобы она даже не вскрикнула, когда ее... – Я сглотнула. – Когда с ней...

– Можете не продолжать, – секретарь провел рукой по глазам. – Да, вы, пожалуй, правы, стоит посмотреть. Может, действительно удастся что-нибудь обнаружить.

Я удовлетворенно кивнула и вышла из дома, направляясь к калитке, у которой меня ждал растерянный Костя, рядом с ним высилась фигура одного из охранников, это я поняла сразу. Я забыла предупредить мистера Скорта, что меня ждут, а охранник не понимал по-русски. Что ж, придется мне самой извиняться перед Костей.

– Костя, – обратилась я к шоферу, при этом детина покосился на меня очень подозрительно, – Костя, тут такое случилось! Марианну Масри убили. Ты ничего такого не видел?

– Что ты говоришь, Ира?! Убили эту дамочку? Но как? Когда?

Мне пришлось рассказать, детина все еще стоял, как приклеенный, и всматривался в наши лица.

– Ну? – снова вернулась я к своему вопросу. – Ты не видел ничего подозрительного?

– Да нет, – пожал плечами Костя.

И тут солнце над нами на мгновение закрыла какая-то тень – и мы посмотрели вверх. В не по-зимнему синем небе планировал дельтаплан.

– Что это? – довольно глупо спросила я.

– Похоже, тут у них база неподалеку, – откликнулся Костя. – За то время, что я тебя жду, уже пару раз пролетали.

– Дельтапланы?

– Ну да, – кивнул Костя.

Я нахмурилась. Странно, неужели еще есть люди, летающие на дельтапланах?

– Так как? – напомнила я.

– Ну, сначала выехал со двора какой-то парень в синей «Ауди», а затем вышел старик и пошел вон туда, – Костя махнул рукой в направлении заросшего лесом склона. – А потом выскочили четверо, один из них, – он покосился на подозрительно молчаливого секьюрити, – все время был здесь. Остальные все туда, – снова взмах рукой на склон, – побежали. Чего-то кричали не по-русски.

Я вздохнула.

«Не зря мне не хотелось приезжать сюда, – с грустью подумала я, – стоило все же довериться интуиции».

– Костя, я вызвала «Скорую» и милицию. Похоже, нам придется задержаться и дать показания.

– Понимаю, – со вздохом отозвался Шилов.

– Я сейчас схожу за секретарем, он скажет этому детине, чтобы оставил тебя в покое. Я быстро.

Я направилась обратно к дому, на ходу раздумывая над нашествием дельтапланов – как раз сейчас в небе кружил еще один. Откуда они? Я посмотрела на крутой склон и, кажется, поняла – откуда.

Ну и в историю ты вляпалась, дорогая!

* * *

Милиция прибыла через полчаса, «Скорая» – через тридцать пять минут. Мы с Костей честно рассказали все, что видели и слышали, но органы взяли на заметку всех, в том числе и нас, поскольку речь шла об убийстве не кого-нибудь, а богачки мирового уровня, к тому же гражданки США. Таким образом список подозреваемых составил сам собой. Я, Костя Шилов, Эд Проханов, Генри Скорт с пятью своими охранниками – ведь они тоже были здесь, мистер Маккински, племянник Дмитрий, несмотря на то что уехал почти сразу после полудня.

Всех нас просили не покидать город, и все мы дружно дали подписку о том, что явимся по первому требованию следователя.

Однако, как только появилась бригада милиционеров, выяснилась интересная деталь – мистер Генри Скорт, оказывается, был еще и частным сыщиком. Он извлек из кармана свое удостоверение, а среди милиционеров даже нашелся один, молоденький, неплохо разбирающийся в английском. Получалось, что Марианна Масри действительно опасалась Жреца Смерти, если привезла с собой из Штатов персонального сыщика.

После этого труп увезли, а нам разрешили разъехаться по домам. Перед тем как покинуть дом Марианны, я попросила Эда звонить, если что-то понадобится. Бедный мальчик, он был так подавлен, что мое сердце сжалось. Эд обещал звонить, поблагодарив меня, он сказал, что у него здесь нет абсолютно никого из знакомых.

Да, о мистере Маккински. Как вы думаете, чью тень мы видели с Эдом на склоне? Это был этнограф, объяснивший охранникам, нашедшим его у подножия, что просто гулял. Их такое объяснение удовлетворило. Однако ни меня, ни милицию – нет. Зачем это понадобилось старику, и неужели он назвал обычную прогулку тем важным делом, под предлогом которого удалился? Впрочем, никакого оружия: ни лука, ни арбалета при нем не было, не было его и в лесу, который милиционеры, при помощи собак, прочесали. А больше-то, насколько мне известно, выпустить стрелу не из чего.

Мы с Костей, совершенно расстроенные, вернулись в город уже в шестом часу вечера. Ехать на работу не имело смысла, а потому Костя довез меня до дома.

– Ирин, – спросил он, – как ты думаешь, это действительно сделал Жрец Смерти?

– Да, похоже, и очень не хотелось бы подозревать в этом Маккински.

– Ты думаешь, это он? Старикашка-профессор? Но зачем ему? – удивился Шилов.

– Не знаю. Впрочем, я ничего не знаю, – пожала я плечами. – Но Эд и начальник охраны были со мной. Может, завещание что-нибудь объяснит...

– Значит, ты все-таки не считаешь, что убили ее из-за этой пластины? – не унимался Костя.

– Да ничего я не считаю! – взвилась я. Костя вздрогнул, я устыдилась. – Извини, Костя, я пойду. Очень устала.

– Я понимаю, пока.

– Пока.

Дома я почувствовала, что совершенно разбита. Володьки не было, а я так нуждалась в отдыхе, потому, наспех приняв душ и отключив телефон, нацарапала мужу записку с просьбой не будить и рухнула в постель, приняв успокоительное. Здоровый крепкий сон, вот что мне сейчас было необходимо, иначе вся эта история грозила превратить меня в неврастеничку. Перед глазами все еще стояло тело Марианны Масри со стрелой в шее, а в мозгу настойчиво пульсировал вопрос: «Кто?»

Я проворочалась до тех пор, пока снотворное не начало действовать. Кажется, часы показывали около восьми вечера, когда я погрузилась в сон, успев еще подумать: а где же пропадает мой муж?

* * *

Утром меня разбудил Володя.

– Где ты вчера пропадал? – вот первое, что я спросила у супруга.

– Я не пропадал, – улыбнулся Володька. – Я пришел около восьми часов, помнишь, я говорил тебе о студентах, с которыми мне предложил позаниматься Валерка? – Я кивнула.

Валера Белоусов, бывший однокурсник моего мужа, периодически поставлял ему левый заработок в виде нерадивых студентов, ничего не понимающих в химии большую часть учеб-

ного года, но стремящихся все-таки сдать экзамены на «отлично» и хотя бы пару раз за год произвести впечатление на преподавателей.

– Так вот, – продолжал муж, удобно расположившись на кровати у меня в ногах, – я вчера два часа долбил этим балбесам, что такое химия.

– И как успехи? – спросила я. – Удалось хоть что-то вдолбить?

– Надеюсь, – хохотнул муж. – Сегодня мне опять предстоит этот сизифов труд. И завтра, и послезавтра, и всю эту неделю, – со вздохом закончил он.

– Что ж, – я улыбнулась, наблюдая за лицом супруга, на котором отражались почти древнегреческие муки, – теперь, похоже, моя очередь пожелать тебе выдержки и удачи. Не так ли?

– Да, – слабо улыбнулся он мне в ответ. – Кстати, а как прошла вчера твоя встреча?

– Лучше не спрашивай, – вздохнула я. Перед глазами снова возникла Марианна со стрелой. Это становится похожим на паранойю. – Отвратительно.

– Что такое? – вскинул черные брови Володя. – Эта цаца, что, не сочла вашу передачу достаточно престижной? Отказалась приехать? Да что она о себе возомнила!

– Я не знаю, Володя, что она о себе возомнила, потому что мне не удалось с ней поговорить, – вздохнув еще громче, ответила я и, сев поудобнее на постели, добавила: – Ее вчера убили...

– Как это?! – муж оторопел, его синие глаза расширились, он явно не понимал, шучу я или говорю правду.

Что ж, реакция вполне понятная. Чувствую, что сегодня мне еще не раз придется созерцать это выражение недоверия на лицах окружающих.

– Да, милый, ее убили, – подтвердила я.

– Не может быть! Как это случилось?!

– Не знаю. Я приехала, меня встретил секретарь, провел в дом, – я снова переживала весь вчерашний кошмар. – Выяснилось, что хозяйка будет занята ближайшие полчаса, и меня просили подождать в приемной. Там я познакомилась со свитой – начальником охраны, штатным этнографом и племянником. Последние двое вскоре удалились. Прошли положенные полчаса, секретарь заглянул в кабинет, а там она... Уже мертвая. И пластина эта дурацкая там же!

– Так все-таки была пластина? – удивился Володя так же, как и я накануне.

– Да, была. Но тут, знаешь, какие странные вещи...

– Какие?

– Ну вот, смотри, – я встрепенулась, чувствуя, что все равно не смогу остаться в стороне от этой истории, тем более что в ней так много таинственных загадок...

Нет, не то чтобы во мне проснулся детективный дух, хотя, не скрою, всегда мечтала почувствовать себя в роли следователя, и иногда мне это, опять-таки не стану скрывать, удавалось. Но сейчас было иное. Сейчас я видела вокруг этой смерти слишком много тайн, словно все это происходит в голливудском фильме о маньяке, а я страсть как не любила подобных продуктов киноиндустрии, полагая, что маньяк – находка для бездарного сценариста, ведь тут не нужно искать никаких мотивов. Нет, в этом деле явно были мотивы, и серьезные. Ну не верила я в этого, как его, Жреца Смерти. Я даже фыркнула про себя. Не верила.

– Итак, смотри, что там происходит. Странная история. Марианна получает пластину полностью, обе ее части, это я вчера с этнографом разговаривала, – пояснила я мужу, приготовившемуся меня внимательно слушать. – Пластина эта – действительно реликвия, и действительно на ней выбит заговор на богатство и власть, и она, пожалуй, этого я еще не уточняла, но вполне возможно, была проклята. По крайней мере, со слов секретаря, в Штатах все с ума посходили из-за этого Жреца Смерти, особенно после историй с последними владельцами пластины. Кстати, интересная деталь. Секретарь – наш с тобой соотечественник, хотя его историю я еще плохо знаю, так вот, этот парень – сын одного из последних владельцев пластины. Его

отца разорили, и он не вынес позора – умер от инфаркта. Так вот, мальчик поклялся найти убийцу отца...

– Подожди, – перебил меня муж, у него уже тоже горели глаза. – При чем тут убийца? Ты ведь сказала, что его отца разорили.

– Да, но в том-то все и дело, это тоже убийство, по крайней мере было сделано все для того, чтобы дядечка скончался. Про подметные письма Жреца, выходит, тоже правда. И Марианна такие получала.

– Откуда ты знаешь?

– Эд сказал, – коротко ответила я.

– А Эд это кто? – прищурился мой благоверный.

– Ну, это секретарь. Я же тебе говорила, что он русский по корням и говорит по-русски чисто. И фамилия у него русская – Проханов. Так вот, – я не стала обращать внимания на подозрительно выпяченные губы мужа, – я о прежних владельцах. Вся Америка точно обезумела, все полагают, что смерти этих несчастных – дело рук Жреца, – я немного нафантазировала тут, конечно, я ведь не знала, сходят ли они там с ума и полагают ли именно так, а вскользь брошенная фраза секретаря не давала мне такого права, но меня уже, что называется, понесло. – Дядьки умирают, Марианна становится следующей владелицей пластины. Рисковая дамочка, правда? – Муж кивнул. – Потом и она начинает получать письма с угрозами. А последнее она получила уже здесь, за день до своей смерти. Выходит, Жрец ее выследил? – я немного помолчала. – А секретарь, между тем, вместе с начальником охраны клянется, что предпринял все меры безопасности, мол, дом начинен техникой, в комнату с пластиной только один вход, везде установлены камеры наружного слежения. Везде, кроме той комнаточки, в которой Марианна... Ах, да, – я спохватилась. – Марианна-то, оказывается, камлала потихоньку. – Муж снова выразительно поднял брови. – Она-то верила в силу этого заговора. Вон, даже этнографа себе завела, чтобы он перевел письмена на пластине. И она, как положено, каждый день в полдень оставалась с этим чудом наедине и читала этот заговор. Каково?

– Фантастика да и только!

– Вот то-то и оно, – я нахмурилась. – Теперь получается что?

– Что? – в тон мне спросил Володя.

– А то, что во всем доме, значит, камеры есть, а в той комнате, где она шаманит, – нет. Но есть окно, и, как я полагаю, через это окно ее и убили.

– Пристрелили? – спросил Володя.

– Да-да, только тоже не так-то просто. Не пулей, а стрелой.

– Стрелой, говоришь? – он прищурился. – Странно, странно.

– Конечно, странно, – подхватила я. – Напротив окна метрах в пятидесяти склон оврага, поросший лесом. Как ты думаешь, с такого расстояния можно пустить стрелу?

– Не знаю, – пожал плечами муж. – Я не специалист. Может, и можно. Хотя, нет, вряд ли. А что была за стрела? – он снова прищурился, а это у моего мужа означало, что он о чем-то думает, о чем-то догадывается.

– Не знаю, обычная, по-моему, стрела. Может, только короткая. Мне всегда казалось, что стрелы – они намного длиннее. Хотя... – я пожала плечами. – Я в них не знаток. Посмотрим, что скажут эксперты.

– А больше никак не могли ее убить?

– Да я не знаю, Володя! – вспылила я. – Этнограф, кстати, – добавила я уже задумчиво, – в то время, когда ее убили, гулял по склону оврага...

– Да уж, поздравляю, ты снова вляпалась по самое не хочу! – язвительно резюмировал муж. – Полагаю, что менты и тебя на заметку взяли?

– И меня, и Шилова.

– Так там с тобой был Шилов?

– Володя, он был внизу у ворот, ждал меня в машине, – я не хотела заводить разговор о Косте, прекрасно зная, что муж ревнует меня к этому немому обожателю, хотя я ни разу не давала Косте повода. Честное слово!

– Ну, а ты сама что думаешь? – муж, видно, тоже почел за лучшее не ввязываться в наш бесконечный спор о роли в моей жизни водителя нашей телестудии.

– Ничего я не думаю! Вернее, – я вздохнула, – думаю-то я постоянно, даже ночью во сне, по-моему, думала. Да вот только понять ничего не могу! Да еще оказалось, что начальник ее охраны по совместительству частный детектив, каково? – Муж снисходительно улыбнулся. – И надо же было мне так неудачно явиться! Ну, потянула бы еще денек и... – Я устыдилась своих слов. – Ладно, пора собираться на работу, – и я встала.

– Но теперь по крайней мере понятно, отчего ты вчера так рано спать завалилась, – сказал Володя, поднимаясь с кровати. – Да еще и записку написала, чтоб я тебя не беспокоил. Менты небось долго пытали?

– Долгонько, – отозвалась я уже по дороге к ванной.

* * *

Я опоздала на работу на целых пять минут! Такое со мной случается крайне редко, потому что вообще-то я девушка пунктуальная.

В редакции меня уже ждала Лера, и даже Галина Сергеевна умудрилась прийти сегодня раньше меня. Видимо, они уже знали, что случилось вчера, так как сразу после приветствия усадили меня за стол и принялись расспрашивать о вчерашнем визите.

– Так что там случилось, Ириночка? – спросила меня Моршакова. – Неужели все так страшно? – и в ее глазах сверкнуло нескрываемое любопытство.

Меня неприятно поразил этот блеск. Как все-таки падки люди на чужое несчастье! Даже самым лучшим из нас очень нелегко устоять перед этим искушением – праздным любопытством, особенно же если речь идет о несчастье богатого человека. Сколько раз я сталкивалась уже с этим проявлением человеческой натуры, да чего уж, сама бываю грешна...

Но, кажется, я отвлеклась. Галина Сергеевна ждет ответа на свой вопрос, а главное – жаждет узнать подробности.

– Как «так»? – попыталась съязвить я.

– Ну так, как рассказывают об этом журналисты, в частности наш Валера, – охотно объяснила режиссер. Видимо, она ожидала и от меня более пространных объяснений.

– Галина Сергеевна, – со вздохом призналась я, – поверьте, мне очень не хочется говорить об этом. Тем более что, как я понимаю, вам уже все известно от Валеры. Правда, мне не совсем понятно, откуда он-то узнал, но не сомневаюсь, что материал у него получился отличный. – Я помолчала, затем снова вздохнула. – Давайте так, вы мне расскажете, что там узнал Валера, а я по ходу вашего рассказа добавлю, если что-то понадобится.

– Обещаешь? – подозрительно прищурилась Моршакова.

– Ну конечно, – обреченно ответила я.

Галина Сергеевна кивнула и принялась рассказывать. Лера, до сей поры скромно молчавшая, загадочно улыбнулась, облегченно вздохнула и приняла позу – само внимание. Вот что мне удалось услышать от моих коллег:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.